

Со шпагой и цветами

Не ради красоты поставлен этот заголовок. Все герои Геннадия Балаева на сцене академического русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова — от рыцаря д'Артаньяна до «неземного» Фартыева — либо со шпагой в руках, либо с цветами любимым утверждают в жизни справедливость и доброту. Они гражданственны и положительны — заряд несут даже тогда, когда по сути своей отрицательны как персонажи.

Чехов как-то сказал: «Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать, как-кие они есть». Этот чеховский принцип постижения человеческой природы — определяющий в творчестве актера Г. Балаева.

Одна из последних ролей — Несун в спектакле «Эффект Редькина». Когда он появляется на сцене, не сразу узнаешь в нем Балаева. Вот и соседи мои в зрительном зале, слышу, шепотом спорят: «Да нет, что вы! Это не Балаев. Его бы я сразу узнала...». Но это он, умеющий перевоплощаться в своих героев до неузнаваемости — лицом, походкой, жестами и, конечно, внутренним содержанием — характером, поступками.

Совсем не прост Несун Балаева. Что вроде бы в нем загадочного? — несун он и есть несун, человек недобросовестный, что под рукой, то и тащит к себе домой. Этот, например, гвозди. Вначале брал горсть, потом — больше, теперь вот ящиками уносит. Они ему и не нужны вовсе, да как устоять, если есть возможность унести. Душа у Несуна подленькая, начисто лишен порядочности человек. А Балаев заставляет его мучиться, загнав в тупик: герой и рад бы бросить свое недостойное занятие, но не в силах отказаться от привычки. Порождена она и его психологией — бери, что плохо лежит — и ротозейством тех, кто призван охранять социалистическую собственность.

Отрицательного героя надо любить, чтобы показать со сцены достоверно, — утверждал драматург А. Вампилов. Егорша — в «Доме», Минутка — в «Расточителе», Ермаков — «Последний посетитель», клоун Отто — «Прощай, конференсье» — в этих работах последних лет Балаев сумел показать своих героев таковыми, как они есть. С живой человеческой теплотой к Егорше, сочувствием к его страданиям от неприкаянности на этой земле и несостоятельности в отличие от Пяслиных; в клоуне Отто,



приоткрыв нам человека беспринципного, но искреннего в своей вере, что артист — личность творческая, и не важно, кому и чему служить, с болью показывает крах и веры этой его, и судьбы; напорист Ермаков, его мажорная демагогия вершит несправедливость. Балаев вызывает к своему герою не только неприязнь, он заставляет увидеть и оценить в нем силу, которую нельзя не замечать, тем более приумножать. Ее надо реально оценивать, чтобы бороться с ней.

«Всякий спектакль: будь то классическая трагедия или современный водеvil — он должен пробудить у зрителей желание обратиться к глубинам своей собственной души, заново переосмыслить многие свои поступки, заново порадовавшись им или устыдившись, — считает Г. Балаев. И поясняет это так. — Сегодня жизнь, социальный и нравственный опыт наших современников, наших зрителей призывают нас к более четкому творческому мышлению, высокой требовательности к себе, повышению культуры исполнения. В этом диалектика нашей профессии».

Первые роли Геннадия рождались на сцене Владивостокского театра драмы имени М. Горького. Вообще он имел право сказать о себе, что артистом стал потому, что ни одну другую профессию не знал так хорошо, как эту. Отец окончил в свое время училище имени Ватановой, работал балетмейстером. В годы Великой Отечественной войны руководил ансамблем при штабе Рокоссовского. После войны вернулся в театр драмы. Много прекрасных образов было создано им за долгую творческую жизнь на сцене. Не раз народный артист Узбекской ССР заявлял о себе и как интересный режиссер. Мать в молодости пела в оперетте. Геннадий больше всего любил ее в роли Сильвы в оперетте и в роли Королевы в «Трех мушкетерах». Но вообще-то они во всех своих ролях оставались

для него учителями. И Геннадий, уже будучи сам профессиональным артистом, приезжал в Самарканд, где служили в театре его родители — народные артисты Узбекской ССР. Геннадия они хотели видеть пианистом. Все поначалу так и шло: музыкальная школа, после — училище, потом — консерватория. Но вдруг на третьем курсе щемяще отчетливо понял: театр драмы — вот мечта и цель, которые манят и волнуют. Проявил твердость и стал студентом Ташкентского ГИТИСа. Случай свел с талантливым режиссером Натаном Басиным, который после учебы увез Балаева в свой театр во Владивосток. Здесь Геннадий играл Нила в «Мещанах», Лермонтова — «Поручик Лермонтов», Антония — «Юлий Цезарь»... Вместе с группой побывал на гастролях в Москве. Выступали на прославленной мхатовской сцене. После спектакля «Поручик Лермонтов» зрители скандировали: «Лер-мон-тов!», — вызывая исполнителя. И это символично: спустя некоторое время Балаев выдержит конкурс на лучшего исполнителя роли Лермонтова и станет играть в Алма-Ате на сцене русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова.

Почти два десятилетия он верен своему театру. Создал десятки самых разных сценических образов в спектаклях драматических, в комедиях и трагедиях. Каждый год — одна-две центральные премьерные роли. Назовем лишь некоторые из них, интересные в плане актерского решения и исполнительского мастерства: Глумов — «На всякого мудреца довольно простоты», Тригорин — «Чайка», Рифф — «Вестсайдская история», краском Таймурзаев — «Степной комиссар», Акол — «Тифлиские овдабды»...

Не всегда, что вполне естественно, зритель остается в полной мере доволен работой Г. Балаева. Но зрительский интерес он вызывает непременно. Созданные им образы как бы светятся изнутри, актер и не скрывает, что он любит их — положительных и отрицательных, ибо они — из нашей действительности, реально существующие.

Как ему удается перевоплощаться в них? За счет постоянного поиска выразительных средств внешнего рисунка роли, постижения сути характера и поступков. На это работает все: жизненные наблюдения, чтение литературы, общение с друзьями, опыт старших коллег.

С. ЯГМУРОВА.

Фото В. Ваколкина.